

11 СЕН 1985

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА

самодеятельность

Что может актер-любитель?

Если бы я не была актрисой, я сказала бы: «Все. Все может актер-любитель».

Случаями, когда непрофессиональные актеры поднимались на высоту, позволяющую судить их по профессиональным меркам, богата история студийного движения в нашей стране. Но есть моменты, когда достижения любителей как бы собираются в кулак, происходит скачок в их творческом развитии, и дух соревнования, живущий в наиболее талантливых из них, дает невиданные прежде результаты. Мне кажется, что сейчас настал именно такой момент, когда можно говорить о подъеме любительского театра, на сцене которого самодеятельные артисты отваживаются играть вершинные роли мирового репертуара без скидок на любительские возможности.

Если рассматривать столичную любительскую сцену как один разветвленный, из многих филиалов состоящий театр (при том, что все коллективы разные), можно сделать вывод, что для него типичен актер-интеллектуал, все видевший, все читавший, знакомый с теорией сценического искусства, внимательно проработавший труды К. С. Станиславского и успевший всерьез задуматься о корневых, основополагающих началах театра. Типичен актер-правдолюб, наделенный резкой неприязнью к фальши, театральности на сцене, отвергающий нажимную игру ради более тонких способов воздействия на публику. А тесная связь с жизнью, прямые с ней контакты через свою первую и основную специальность приближают искусство любителей к нуждам времени, обеспечивают их особую близость сегодняшнему залу.

Имя Виктора Авилова уже обрело известность далеко за пределами любительских кругов. Этот «главный» актер театра-студии на Юго-Западе имеет

резко очерченный внешний облик и почти неограниченную способность к перевоплощению. Может показаться, что Авиллов — звезда Авиллов, но «дистанция огромного размера» отделяет одну его роль от другой. У нас уже писали о Гамлете, недавно — гранном актером, — в его датском принце живут высокий дух и яростное отвержение предательства, благородство помyslлов и готовность во всякий миг скатиться со злом, каким бы оно ни было вооруженным. Однако, представ сегодня Гамлетом, Авиллов завтра выходит на сцену безответным, «зачуханным», истрепанным жизнью дьячком из знаменитой чеховской «Хирургии». Да разве только этот контраст в его палитре? Там, на Юго-Западе, он и Хлестаков в «Ревизоре» Гоголя, и Кочкарев в «Женитьбе», и Мольер в одноименной пьесе Булгакова.

Одно красноречивое сравнение. В том же театре-студии на Юго-Западе идет спектакль «Эскиз» по одноактному пьесам зарубежных авторов М. де Гальдеро и Э. Олби, а в каждой из них — две мужские роли, на которых держится все здание. Одну в обоих пьесах ведет Авиллов, другую — руководитель этого прекрасного театра Валерий Белякович, выпускник ГИТИСа, стало быть, профессионал уже по своему диплому. И возникает партнерство равных, игра без поддавки, удовлетворяющая самым высоким требованиям. А перевоплощение и тут остается в силе: в первой пьесе Авиллов — средневековый шут, развешенный, зло паясничавший, с паучьими жемами длинных выразительных рук, во второй — средней руки американский обыватель, энергично защищающий от чуждых вторжений свой уютный внутренний мир.

Но если бы на Юго-Западе было только Авиллов, то был бы не театр, а случайная сборная труппа, обслуживающая преме-

ра. Так же, как Авиллов «ладится» с Беляковичем, он ладится с остальными своими товарищами по студии. В частности, его постоянным партнером становится Сергей Белякович, брат режиссера, который тоже играет все, поражая молниеносной трансформацией, почти чудодейственной сменой личин.

Но современные любители не только овладевают такими ролями, которые требуют от актера постижения высших степеней сложного, порой они вносят существенную поправку в их общепринятое понимание. Тот же Белякович-младший, играя городничего, так читает его финальный монолог, что замораживает, а зная истинной человеческой боли, в нем таится очищение страданием — он все-таки испытывает.

Нечто подобное произошло и со спектаклем «Утиная охота» (ДК-Метростроя, режиссер В. Шрайбер), где студия «Владимир Соколов» не только полностью овладела «не дающей» даже сильнейшим нашим артистам ролью Зилова, но подобрал свой ключ к этому сложному типу времени, высмотренному драматургом А. Вампиловым. Соколов играет не пошляка и конформиста, но плохую жизнь хорошего человека, в котором не умолкнул голос совести. Первое побуждение этого Зилова всегда благородно, но искажено слабодушием, безволием, принципиальностью. Образ постоянно двоится: вот Зилов, какой он по природным задаткам, а вот — такой, каким он стал, сдавая позицию за позицию. Но тот, прахкий Зилов, тоже здесь, и именно он возобладаст в итоге: само убийство героя (пусть только попытка к самоубийству) берет актером всерьез, мотив самоустранения в этом присутствует.

Эта апелляция к добрым чувствам зрителя, стремление растопить его сердце зрелищем мук человеческих, нежданым порывом души присутствуют и в спек-

такле театра-студии на Юго-Западе «Три цилиндра» по пьесе современного испанского драматурга М. Миуры. Встретились двое на перекрестке дорог: он (А. Ванин) — ординарный служащий средней руки, готовящийся завтра же вступить в брак по расчету, она (Н. Бадакова) — аристократка, не отличающаяся добродетелью, но эта встреча все в них перевернула любовь, которой не суждено было стать счастливой, ибо он женился и она его отпускает, как бы подыала их над собой, обеспечив более высокую ступень духовного ощущения.

Стало быть, поэтическое начало характерно для нынешних студийных исканий. Но, с другой стороны, актеры-любители понимают, что романтическая приподнятость, идеальность чувствований тех или иных героев может легко обернуться выспренностью, если не будут обеспечены правдой естественного проживания сценической ситуации, не дополняться конкретностью сегодняшних наблюдений за человеком, каков он есть, каким мы его видим повседневно. Должно быть, об этом задумался Сергей Прицеп, овладевая главной ролью в повести американского писателя Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» (театр-студия на улице Чехова, спектакль поставлен ее главным режиссером М. Щепенко). В этой притче, посвященной театром, как сказано в программе, «творческой силе человеческого духа, преодолевшей земные притяжения», идет речь о чайке, обуреваемой в отличие от себе подобных неутолимимым желанием взлететь ввысь и устроиться там, в поднебесье. С каждой новой попыткой чайка по имени Джонатан все дальше и дальше отрывается от земли, и за этим страстным порывом ввысь встает мысль о подвигах, о совершенствовании личности, о прогрессе. Казалось бы, как тут не подняться на котурны, не выделить главного героя, в том

числе и внешне, из остального его окружения? Но перед нами — обыкновенный современный парень в джинсах, с бородой, с открытым мужественным лицом, похожий на моряка. Это не мешает внутреннему началу, одержимости Джонатана. Прицеп, своей идеей, но помогает образ в узнаваемую среду, заставляя лишний раз задуматься о том, что герои живут среди нас.

Приведем здесь примеры могут быть по справедливости названы как открытые, пусть не любительные, «местного значения». Но до сих пор отмечались работы любителей: опытных, прошедших школу больших ролей. А вот для Марины Михайловой, играющей двадцатилетнюю разведчицу Нину Костерину в спектакле народного театра у Никитских ворот «Всегда ты будешь...» (постановка главного режиссера М. Розовского) — это первая роль, первый ее шаг по сценическому подмосткам. Но какое свободное владение материалом обнаруживает молодая актриса, какой позитивный свет исходит от ее героини, этой «обыкновенной девушки», как она себя заявляет в своем дневнике, положенном в основу композиции! Какую насыщенную духовную жизнь она проживает за полтора часа, пока длится действие.

Словом, перед нами — искатели истины, вчера еще, может быть, никем не замеченные. Стремящиеся проникнуть в глубины жизни, облачить ее опыт в свежую, не стертую от частого употребления форму. Не просто любители, но любители-художники, искусством мобилизованные и призванные, понимающие свою «необязательную» работу, как неотложный гражданский долг, до предела «выкладывающиеся» в каждой роли, представляющей им человеческую возможность высказаться по вопросам, насущным для общества.

З. ВЛАДИМИРОВА.